

Мир ТЕХНИКИ

для детей

8. 2005

ТАНКОВОЕ
СРАЖЕНИЕ
ПОД
ПРОХОРОВКОЙ

индекс 79403

Т-34/76

«Штурмгешутц» III

Т-IV Н

Сборные модели бронетехники, принимавшей участие в сражении под Прохоровкой, выпускаются АО «Звезда». Фото моделей предоставлены журналом «Стеновый моделизм». На первой странице обложки рисунок с коробки модели танка Т-34/76 и модель танка Т-IV Н.

**Виктор
БАКУРСКИЙ**

ИСТОРИЯ СРАЖЕНИЙ

Ребята, после того как в мартовском номере нашего журнала была опубликована анкета читателя, нас буквально завалил поток писем, которые продолжают приходить до сих пор.

И вот что интересно...

В графе «Какую новую рубрику ты хотел бы видеть на страницах журнала?» чуть ли не каждый второй написал: «История сражений». При этом многие просили подробнее рассказывать о тех образцах оружия, которое в этих сражениях применялось.

Поэтому, по вашим просьбам, мы открываем в нашем журнале эту рубрику.

Сегодня, ребята, мы поговорим о сражении на Курской дуге.

Почему о нем? Да потому, что именно в августе завершилась Курская битва. 5 августа от немецких захватчиков были освобождены города Орел и Белгород, а над Москвой вечером того дня прогремел первый победный салют.

Но наш сегодняшний рассказ не о всей Курской битве, а лишь об одном ее эпизоде...

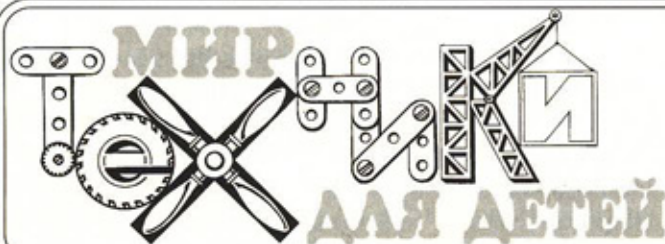
ТАНКОВОЕ СРАЖЕНИЕ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

Каждый школьник из уроков истории знает, что кульминацией Курской битвы было крупнейшее танковое сражение под Прохоровкой, о котором написано во всех учебниках.

Многие, наверное, слышали, что это сражение произошло на узком участке шириной всего-то около 5 км, с одной стороны ограниченном железнодорожной насыпью, а с другой — заболоченным участком местности, что идет вдоль реки Псел. Так что танкам вроде бы как и не оставалось ничего другого, как сойтись в лобовом открытом бою. А всего в этом бою принимало участие якобы до 1200 танков.

Невольно представляешь себе, как две железные волны «гремя огнем, сверкая блеском стали», словно отряды средневековых рыцарей надвигаются друг на друга, а затем сталкиваются в лобовом ударе неимоверной силы.

Потом все перемешивается, сражение разбивается на отдельные дуэли танков, которые в

Детский познавательный журнал
август 2005 года

Зарегистрирован в Комитете по печати РФ
Свидетельство № 019101 от 15 июля 1999 г.

Главный редактор: **Виктор Бакурский**

Редакция: Михаил Муратов, Михаил Никольский,
Александр Левин, Вячеслав Шпатовский, Андрей Фирсов

Почтовый адрес редакции: 109144, Москва,
А/Я-10. Тел. (095) 348-91-32, факс 941-51-84.

Отпечатано в типографии "Альт Консул": г. Москва,
ул. Фотиевой, д. 12, кор. 3. Подписано в печать 20.07.2005 г. Тираж 3000 экз.

Двумя мощными совместными ударами с севера и с юга немцы хотели окружить и уничтожить группировку наших войск, сосредоточенную в районе Курска

— линия фронта

→ - направление
наступления немцев

упор бьют друг по другу бронебойными снарядами, идут на таран. В ближнем бою немцам уже не могут помочь ни хваленые «тигры», ни «пантеры» с их длинноствольными дальнобойными пушками. Шустрые «тридцатьчетверки» на огромной скорости проскакивают под самым носом у немецких «зверей» и поражают их в уязвимые борта.

Наші самоходные артиллерийские установки, идущие вслед за танками, особенно СУ-152, бьют своими тяжелыми снарядами с такой силой, что у «тигров» и «пантер» слетают башни, а средние танки вермахта Т-III и Т-IV буквально разваливаются на куски, словно картонные коробки.

Но и немцы огрызаются. Выстрелы немецких длинноствольных 76-мм и 88-мм пушек, сделанных в упор, не выдерживает никакая броня. Болванки прошивают наши танки насквозь. Танкисты выпрыгивают из горящих машин и сходятся в рукопашной схватке, а вскоре все «танковое поле» покрывается непроницаемой стеной дыма и пыли. Жуть.

Примерно так был показан встречный танковый бой в знаменитой киноэпопее «Освобождение».

Именно так каждый раз представлял себе это сражение и я, будучи еще школьником, когда гостил у тетки в Курской области. Проезжая на поезде мимо станции Прохоровка, я

невольно искал глазами то знаменитое танковое поле, на котором произошла историческая битва, а потом собирал любую доступную информацию, касающуюся тех событий.

К сожалению, ничего конкретного об этом сражении в то время узнать было практически невозможно. Везде писали одно и то же. Был, мол, величайший в истории встречный танковый бой, в котором наши танкисты стремительной атакой пронзили немецкие танковые колонны и разбили их в пух и прах.

Мало того, за прошедшие со времен войны годы то знаменитое сражение на «танковом поле» обросло мифами, всевозможными домыслами и превратилось в легенду.

Буквально на днях, зайдя в книжный магазин, я увидел на полке новинку — большую красивую книгу с интригующим названием «Танковые сражения Второй мировой войны». Естественно, первое, что я сделал — открыл главу, посвященную сражению под Прохоровкой.

И что же я узнал? Оказывается, в танковом сражении принимало участие уже не 1200, а 1500 танков. А, судя по иллюстрациям, в битве под Прохоровкой, состоявшейся в середине 1943 года, принимали участие танки образца 1944 г.

Кстати, в некоторых книгах количество танков выросло уже до 2000.

К сожалению, и сегодня истинная информация о сражении под Прохоровкой доступна далеко не всем. Открыв, к примеру, современный учебник истории за 9 класс, в разделе, посвященном Курской битве, можно прочесть всего лишь одну фразу: «12 июля 1943 года советские войска перешли в контрнаступление. В этот же день в районе деревни Прохоровка состоялось крупнейшее в мировой истории танковое сражение, в котором участвовали 1200 танков. Оно закончилось победой советских танкистов. В этот день наступил перелом в ходе всей Курской битвы. Немцы были вынуждены перейти к обороне».

Прочитав это, естественно, начинаешь думать, что именно благодаря уничтожению немецких танков под Прохоровкой, ситуация в ходе Курской битвы сразу же изменилась в нашу пользу.

Но все оказалось далеко не так.

А что же было на самом деле? — спросишь ты.

А вот что...

Во-первых, никаких 1200 танков на «танковом поле» никогда не было. 1200 — это примерно общее количество танков и самоходных орудий с обеих сторон (670 наших и 490 немецких), участвовавших в бою под Прохоровской 12 июля 1943 года.

Кстати, сражение здесь длилось не один день и разворачивалось на довольно большой территории шириной около 35 км.

Начались боевые действия на южном фланге Курской дуги 5 июля 1943 года. В тот день фашисты своими танковыми клиньями пытались проломить оборону наших войск в разных местах. Так, в первый день немецкого наступления на Курск из района Белгорода через Обоянь в атаках участвовало около 700 танков и самоходок!

Попробуйте себе это представить. Не полнитесь, нарисуйте на листке бумаги 700 квадратных...

И хотя немцы продвинулись на несколько километров, прорвать мощную оборонительную систему наших войск они не смогли. А вот танков потеряли немало. И тогда было принято решение наступать через Прохоровку, где, как посчитали немцы, прорваться будет легче.

Два дня 10 и 11 июля немецкие танки группами по 40 – 60 машин, невзирая на огонь советской артиллерии, непрерывно атаковали позиции наших войск на Прохоровском направлении.

Надо сказать, что в наступление враг шел очень грамотно. Сначала на наши позиции обрушивались пикирующие бомбардировщики Юнкерс Ju-87 (об этих самолетах наш журнал подробно рассказывал в № 5/2005). Пикируя почти отвесно, они с поразительной точностью сбрасывали свой смертоносный груз. Летали немцы большими группами по 30 – 40 самолетов. Иногда в налете участвовало сразу 70 бомбардировщиков.

При этом они не просто сбрасывали бомбы всем строем, как это было принято в военно-воздушных силах многих стран мира, а вставляли в круг и, сменяя друг друга, один за другим

атаковали наши позиции. Бывало, что они «висели» над передовой непрерывно в течение часа, а то и двух, не давая пехоте и артиллеристам высунуть голову. А в это время к передовой совершенно спокойно подползали немецкие танки.

Ты спросишь: «А где были наши истребители?»

Об этом мы еще поговорим чуть позже. А вообще, боевое применение авиации над Курской дугой – тема отдельного рассказа. Пока же давай вернемся к танкам.

Как только самолеты улетали, танки начинали атаку. Впереди средних танков Т-III и Т-IV шли тяжелые «тигры», 100-мм лобовая броня которых была практически непробиваемой для наших противотанковых орудий. При этом мощнейшие 88-мм пушки «тигров» даже с больших дистанций добивали не только расчеты уцелевших после авианалета противотанковых пушек, но и поражали все типы советских танков того периода. Этому в немалой степени способствовали очень точные оптические прицелы.

Об этих прицелах нужно сказать особо.

Один из участников Курской битвы рассказывал мне такой случай. Наши пехотинцы, для того чтобы ввести противника в заблуждение, на передовой вкопали в землю подбитый танк Т-34. Расчет был на то, что во время немецкого наступления в суматохе боя вражеские танкисты сосредоточат огонь по этой ложной цели.

Однако не успели наши бойцы закончить работу, как на одной из высоток показалась германская самоходная установка «Фердинанд». Это была очень мощная боевая машина. Она была оснащена длинноствольной 88-

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

Во всех справочниках утверждается, что во время Курской битвы наши войска имели преимущество в количестве танков. Да, это было так.

Но когда 5 июля 1943 г. немцы начали наступление со стороны Белгорода на Курск, они сосредоточили свои танковые армии таким образом, что в районе боевых действий у них было шестикратное превосходство. Немцы не сомневались, что прорвут нашу оборону.

Однако в первый день немецкого наступления положение наших войск спасли минные поля.

Один из немецких генералов впоследствии писал: «Русские, как никто, умели укреплять свои противотанковые оборонительные районы при помощи минных полей и противотанковых препятствий. Быстрота, с которой русские устанавливали мины, была поразительной. За двое-трое суток они успевали поставить свыше 30 тысяч мин.

Следует отметить и искуснейшую маскировку русских. Ни одного минного поля, ни одного противотанкового района нам не удалось обнаружить до тех пор, пока на минах не подрывался первый танк или не открывало огонь первое русское противотанковое орудие».

Немецкий танк "Пантера", подорванный на mine

Истребитель танков "Фердинанд" (позже переквалифицированный в самоходное орудие), подбитый под Поньями

В засаде – вкопанный в землю Т-34

мм пушкой (более длинной, чем у «тигра»), а толщина ее лобовой брони достигала 200 мм!

До «фердинанда» было около трех километров, так что опасаться вроде бы было нечего.

Однако немцы открыли огонь с предельной дистанции. Первый фугасный снаряд упал справа от «тридцатьчетверки» и срыл весь только что насыпанный бруствер. Второй снаряд точно так же «оголил» весь ее левый борт. Теперь танк был как на ладони. Третий выстрел был ужасающе точен. Цель была поражена.

Сделав три выстрела, «Фердинанд» уполз

на свои позиции.

К счастью, под Прохоровкой «фердинандов» не было. Они действовали на северном выступе Курской дуги. А упоминание о них приведено здесь лишь как пример точности немецких танковых прицелов.

Но если кто-либо из вас, ребята, читал мемуары ветеранов, посвященные сражению под Прохоровкой, в которых говорилось о широком использовании здесь «фердинандов», не удивляйтесь. Просто у немцев имелись самоходные артиллерийские установки «Мардер» и «Веспе», издавала немного похожие на «фердинанды».

Не участвовали в бою под Прохоровской и знаменитые «пантеры». Эти тяжелые танки в то время воевали на соседнем участке фронта.

Основу же бронетанковой техники немцев составляли вовсе не «тигры» и «пантеры», а средние танки Т-III и Т-IV, о которых наш журнал подробно рассказывал в прошлом году.

Но это были не те «тройки» и «четверки», которые наши танкисты «молотили» в 1941 и 1942 гг. Эти танки были существенно модернизированы. У них была увеличена толщина лобовой брони (до 80 мм), а по бокам навешаны стальные экраны, защищавшие гусеницы и слабую бортовую броню от огня бронебойщиков, стрелявших по танкам из противотанковых ружей калибра 14,5 мм.

Вооружение этих танков также было усилено. На Т-III стояла новая 50-мм пушка, бронепробиваемость снарядов которой оказалась не хуже, чем у 76-мм пушки танка Т-34.

Т-IV имел куда более мощную длинноствольную 75-мм пушку и превосходил Т-34 до середины 1944 г., пока в наших танковых войсках

Известный кадр из фильма «Освобождение», в котором было показано Прохоровское танковое сражение.

Обратите внимание на то, что «тридцатьчетверка» вооружена длинноствольной 85-мм пушкой. Такая модификация танка, получившая обозначение Т-34/85, появилась лишь в 1944 году. Под Прохоровкой этих танков не было.

Винить же в такой вольности кинематографистов нельзя: когда снималась киноэпопея «Освобождение», подобные танки еще состояли на вооружении, в то время как Т-34/76 сохранились лишь на постаментах.

не появились Т-34/85 с орудиями калибра 85 мм.

Правда, из-за дополнительной брони и более тяжелых орудий масса немецких танков значительно возросла. Они уже не могли так легко преодолевать бездорожье, как раньше.

Кстати, это стало одним из тех факторов, который заставил немцев собрать на «танковом поле» большое количество своих боевых машин на очень узком участке. После прошедших дождей их танки не могли двигаться по заболоченной пойме реки Псел.

Кстати, наши «тридцатьчетверки» немцы очень ценили за высокую скорость, хорошую проходимость, рациональную бронезащиту. Они даже использовали их в своих танковых войсках. На Прохоровском направлении у немцев было 25 таких танков, которые действовали и в качестве ударных машин, и в качестве командирских (без пушки, но с дополнительной радиостанцией).

Немецкие танки сопровождали так называемые штурмовые орудия. По сути дела, это были самоходки на базе танков Т-III, вооруженные 75-мм пушками, способные эффективно сражаться с танками противника на больших дистанциях.

Наступление немцев кроме авиации и артиллерии поддерживалось еще одним страшным оружием — реактивными минометами, которые наши солдаты прозвали «ванюшами». О советских «катюшах» ты, наверное, слышал и не раз видел их в кино. О немецких у нас говорить не любят. Их реактивные снаряды были гораздо мощнее и производили куда более сильные разрушения.

Противостоять наступающим немецким танкам после авианалета в основном приходилось оглушенной, заваленной землей пехоте и врытым в землю танкам.

К сожалению, тех красавиц-«тридцатьчетверок» с 85-мм пушками, что снимались в киноэпопее «Освобождение», в нашей армии тогда еще не было. Они появились лишь в 1944 году (подробнее о танке Т-34 см. в № 11-12/2001 г.).

Немецкий танк Т-IV к 1943 г. получил дополнительное бронирование, бортовые экраны, мощную пушку и часто принимался нашими солдатами за «Тигр»

Подбитые немецкие танки Т-III. После Курской битвы Т-III был снят с производства в Германии, подобно тому как прекратилось и производство легких танков Т-70 в СССР

Усиленное бронирование германской бронетехники, проведенное накануне Курской битвы, привело к тому, что проходимость немецких танков и штурмовых орудий ухудшилась. После дождей, прошедших в районе Прохоровки накануне сражения, немцам пришлось действовать на более узких участках. Вот и болотистая местность вдоль реки Псел «загнала» их на «танковое поле».

Основным типом танка на Прохоровском направлении был Т-34, вооруженный короткоствольной 76-мм пушкой. Бить из таких пушек в лоб по «Тиграм» даже бронебойными снарядами было бесполезно. Мало того, прицелы этих пушек были не очень хорошего качества. По воспоминаниям наших танкистов,

В засаде – немецкое штурмовое орудие StuG III на базе танка Т-III. Именно эти самоходки были призваны бороться с советскими танками.

на дальности в 2 км они сквозь мутную пелену прицела просто не видели вражеские танки.

Наши танковые корпуса на данном направлении наряду с Т-34 имели на вооружении легкие танки Т-70, которые составляли ни много ни мало, а целую треть всего танкового парка.

И если Т-34 образца 1942 и 1943 годов с 76-мм пушкой превосходили по всем параметрам Т-III и могли на равных сражаться с немецки-

ми средними танками Т-IV, то от Т-70 толку было мало. Вооруженные 45-мм пушками и имевшие всего лишь противопульную броню, они в открытом бою не могли эффективно противостоять танкам противника.

Мало того, экипаж Т-70 состоял всего из двух человек – водителя и командира. При этом в бою командир должен был не только следить за окружающей обстановкой и подавать команды водителю, ему же приходилось стрелять из пушки и самому ее заряжать.

А еще Т-70 оснащался не дизельным двигателем, как Т-34, а двумя обычными автомобильными 70-сильными моторами, ра-

ботающими на бензине. Так что при первом же поражении танк вспыхивал как спичка.

В принципе, Т-70 считался лучшим легким танком мира. Он по всем параметрам превосходил аналогичные немецкие танки Т-I и Т-II. Правда, к началу Курской битвы легких танков у немцев на фронте почти не осталось. Их чаще использовали для противопартизанских операций.

Т-70, как и любой другой легкий танк, был

Немецкий аналог "катюши" – 150-мм "химический" миномет ("ванюша")

Подготовка "катюши" к залпу. Именно с залпа "катюш" началась атака 5-й гвардейской танковой армии

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

В первые два дня наступления немцев на южном направлении Курской дуги фашисты потеряли до 300 танков. Так из 200 тяжелых танков «Пантера», прибывших сюда незадолго до наступления, к вечеру 6 июля в строю осталось лишь 40.

При этом нужно учесть тот факт, что многие «пантеры» попросту сломались, так и не добравшись до передовой.

незаменим для разведки, связи, борьбы с легкими бронированными целями, для специальных операций. Применять же его в открытом бою против куда более мощных танков противника было бессмысленно. Вот почему вскоре после окончания Курской битвы Т-70 сняли с производства. Кстати, немцы свои легкие танки Т-II на Курской дуге использовали в основном в качестве командирских машин и артиллерийских корректировщиков.

Сражались с немцами в районе Прохоровки и танки американского и британского производства, которые поступали в нашу страну по ленд-лизу. Но их было мало, а их боевые возможности — весьма низки. К примеру, английские тяжелые танки «Черчилль» были вооружены пушками калибра 57 мм,

Что касается этой боевой машины, то сам премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, в чью честь был назван танк, сказал примерно следующее: «У танка, носящего мое имя, недостатков больше, чем у меня самого».

Один из недостатков танка проявился в ходе Курской битвы.

У «Черчилля» были весьма необычные гусеницы, которые охватывали весь корпус. Благодаря таким гусеницам танк обладал хорошей проходимостью. Он мог преодолевать такие препятствия, перед которыми спасовала бы любая другая гусеничная машина.

К сожалению, когда танк шел в лобовую атаку, его огромные гусеницы представляли собой хорошую мишень, а одного попадания вражеского снаряда хватало для того, чтобы эту гусеницу перебить. В результате бронированное чудовище превращалось в неподвижную огневую точку.

Единственным преимуществом «Черчилля» перед другими танками Красной Армии была его довольно толстая лобовая броня, достигавшая толщины 100 мм. Экипаж даже подбитого танка мог вести оборонительный бой, чувствуя себя как в хорошо укрепленном ДОТе.

Танки в бою поддерживали легкие самоход-

Легкий танк Т-70 сейчас мало кому известен, а ведь в бою под Прохоровкой треть танков была этого типа

Тяжелый танк "Черчилль" с десантом на броне следует мимо подбитого немецкого штабного броневика.

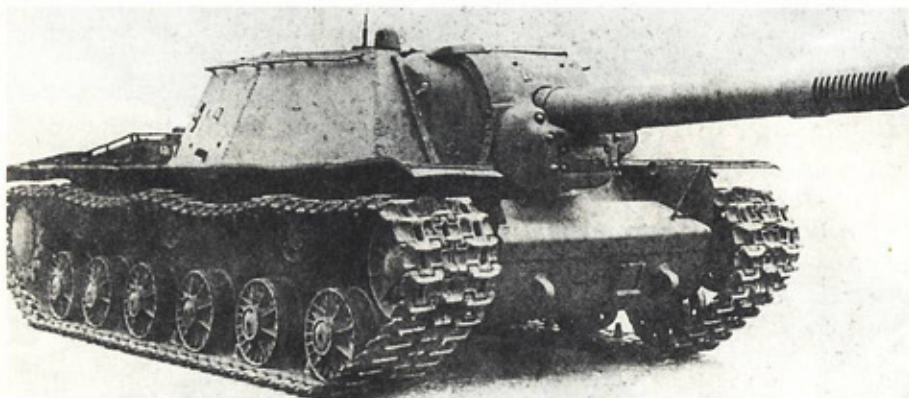
Самоходное орудие Су-122 выдвигается на рубеж атаки. В бою под Прохоровкой участвовали два полка таких самоходок

ки Су-76, созданные на базе Т-70, вооруженные пушками калибра 76 мм, и самоходные установки Су-122, выполненные на шасси танков Т-34.

Су-122 были вооружены мощными 122-мм гаубицами, которые эффективно уничтожали всевозможные наземные укрепленные объекты. Но специфика короткоствольной гаубицы

Самоходные орудия Су-76

Из-за недостатка тяжелых танков их роль часто выполняли самоходные орудия Су-152

такова, что она выбрасывает снаряды с относительно небольшой скоростью. Ее снаряд сначала летит вверх, а затем, описав в воздухе дугу, падает на землю. Из гаубицы хорошо бить по скоплениям вражеской пехоты и техники из-за леса или холма. Но вести огонь прямой наводкой по движущимся танкам — весьма не просто.

Главной надеждой наших войск были самоходные артиллерийские установки СУ-152 с орудиями калибра 152 мм. Именно они были способны эффективно бороться с «тиграми» и «пантерами», за что наши солдаты называли их «зверобоями».

Су-152 являлись действительно страшным оружием. Так, если у германского «Фердинанда» снаряд весил около 20 кг, то у «Зверобоя» — почти 50. О том, что происходило с немецкими танками, если в них попадал такой снаряд, вы уже зна-

Советские артиллеристы отражают атаку немецких танков

ете. К сожалению, на помощь нашим войскам, обороняющимся в районе Прохоровки, Су-152 прибыть попросту и не успели.

Надо честно признать, что летом 1943 года по боевым возможностям наши танки уступали немецким.

Вот что сразу же после окончания битвы под Прохоровкой писал маршалу Жукову командующий нашей танковой армией генерал-лейтенант Ротмистров: «Командуя танковыми частями с первых дней Отечественной войны, я вынужден доложить Вам, что наши танки на сегодня потеряли свое превосходство перед танками противника в броне и вооружении».

Казалось бы, перед натиском германской военной машины ничто не устоит.

Но перед немецкими танками грудью встали советские солдаты. Столь ожесточенного сопротивления немцы еще не встречали. Солдаты и офицеры Красной Армии — пехотинцы, танкисты, артиллеристы — бились насмерть за каждый метр родной земли. В ход пошли гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Наводчики противотанковых пушек подпускали врага на предельно малые дистанции и били по немецким танкам в упор. Так, 19-летний сержант Михаил Борисов, оставшийся один у противотанкового орудия, сумел поджечь 7 немецких танков.

Такого противодействия немцы еще не встре-

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

Для борьбы с немецкой бронетехникой в первый день вражеского наступления были задействованы дрессированные собаки-истребители танков, на спинах которых закреплялись мины. Животные, обученные не бояться реву и грохочущих железных чудовищ, бросались под их днище, и мина поражала танк в самое уязвимое место.

Известен факт, что собаки одного из взводов, которым командовал лейтенант Лисицын, подорвали 12 вражеских танков.

чали.

За два дня боев 10 и 11 июля немцам удалось продвинуться всего на 5 км. Казалось бы, это очень мало. Но это был самый критический момент. Немцы почти преодолели нашу основную линию обороны. Дальше перед Прохоровкой серьезной линии обороны у наших войск уже не было. А до нее оставалось всего 2 км.

На утро 12 июля немцы готовили решающий штурм.

Спасти положение могла лишь контратака пехоты при поддержке всех имеющихся у нас танков. Но где их взять?

Взять их можно было только из резерва.

Наше командование, готовясь к Курской битве, было уверено в том, что наступающие немцы «завязнут» на мощной глубокоэшелонированной системе противотанковой обороны. Их пехота и передовые танки подорвутся на минных полях, а остальные будут уничтожены артиллерийским огнем и ударами авиации.

После того как силы наступающих иссякнут, можно будет перейти в контрнаступление и наголову разбить фашистов.

Для этой цели в тылу была сосредоточена 5-я гвардейская танковая армия, которой командовал П.Д.Ротмистров. Это была грозная сила. В ней насчитывалось 950 танков и самоходных орудий. Видя, что под Прохоровкой ситуация становится очень серьезной, наше командование решило подтянуть сюда армию Ротмистрова.

Да вот беда — танки Ротмистрова находились в 350 км от места сражения. Чтобы добраться до него, потребуется несколько дней.

— Почему дней? — спросишь ты. — Если танки будут двигаться даже не на полной скорос-

Советские танки Т-70 выходят на рубеж атаки

ти, а хотя бы со скоростью 35 км/ч, то они преодолеют это расстояние за 10 часов.

К сожалению, мой юный друг, простая арифметика на войне не работает. Дело в том, что немцы на Курской дуге сосредоточили очень много боевых самолетов. И танковые колонны, открыто идущие по степи, представляли для бомбардировочной авиации люфтваффе прекрасную цель.

По всем правилам военного искусства, танки можно было перегонять только ночью, а днем они должны были укрываться в лесочках, коих в здешних местах не очень-то много.

Но Ротмистров решил идти днем. Единственное, что он попросил у верховного командования — надежного авиационного прикрытия. Ни один немецкий самолет не должен был отбомбиться по его танкам.

И это было сделано.

Танковую армию Ротмистрова прикрывали истребители, снятые даже с боевой работы на фронте.

И вот, теперь эта танковая армия со всей своей силой должна была ударить по прорывающимся к Прохоровке фашистам. Лишь небольшое количество техники сломалось по дороге.

К утру 12 июля на врага готовы были идти 500 танков Т-34, 260 танков Т-70 и 31 танк

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

Большую роль в уничтожении немецкой бронетехники сыграла авиация. Особенно отличились штурмовики Ил-2, оснащенные специальными противотанковыми кумулятивными бомбами калибра 2,5 кг. Каждый самолет брал до 200 таких бомб и при атаке «накрывал» большую площадь.

Один из немецких офицеров вспоминал: «6 июля в 5 часов утра на нашу группу танков, а их было не меньше сотни, налетели русские штурмовики. Эффект от их действий был чудовищный. При первой же атаке они сожгли 20 танков. Другая группа штурмовиков обрушилась на соседний мотопехотный батальон. Было сожжено 90 автомобилей и убито 120 человек. За все время войны на Восточном фронте я не видел столь эффективного действия авиации».

Немецкие танки, уничтоженные "Илами"

Экипаж штурмового орудия берет на буксир побитую машину товарищей. Обратите внимание на то, что в бортовых экранах первого «штурмгешутца» уже имеется несколько отверстий от попаданий советских снарядов. Возможно, эта самоходка сама была уже не раз подбита и прошла не один ремонт.

«Черчилль» при поддержке 45 самоходок.

К сожалению, наша разведка не смогла выяснить, что же затевают немцы и куда будет направлен их главный удар. Не знала наша разведка и то, сколько же боеспособных танков еще имеется у врага.

А их, как выяснилось позже, вместе с самоходками, было еще около 500.

И противник явно не собирался отступать.

Ты спросишь: «Откуда у немцев взялось столько танков? Ведь их били, начиная с 5 июля. Да они же все уже должны были быть уничтожены!»

Все верно. Но надо учитывать вот что: подбитый танк — это не подбитый самолет. Подбитый самолет падает на землю и взрывается. Все. Он уничтожен, и воевать больше не будет. Упавшему самолету никакой ремонт не поможет.

Танк — совсем иное оружие. Если вражеский снаряд пробил дырку в его борту и вывел из строя экипаж, если противотанковая мина разорвала танку гусеницу и повредила катки, то танк, естественно, выбывает из боя. Но он еще не уничтожен.

Подбитый танк можно починить. На следующий день он,

пусть даже с другим экипажем, уже вновь пойдет в бой.

Надо сказать, что служба ремонта танков и их эвакуация с поля боя у немцев была поставлена очень хорошо. За время Курской битвы лишь незначительное количество танков было отправлено на ремонт в Германию. Остальные, как правило, ремонтировались на месте. 80% всех подбитых здесь танков возвратились в строй. Можно сказать, что почти каждый танк, принимавший участие в сражении под Прохоровкой 12 июля, уже был до этого подбит.

А вот наши подбитые танки, оставленные на поле боя, немцы взрывали. Отремонтировать их

после этого было уже невозможно.

Но давай-ка все же вернемся к нашей главной теме — сражению на «танковом поле».

Ночью с 11 на 12 июля отдельные немецкие танковые подразделения начали «продираться» в наши тылы. Причем первыми шли трофейные «тридцатьчетверки». Кое-где наши войска, не различив в темноте кресты на их броне, спокойно пропустили их через свои позиции. На других участках по врагу открыли огонь.

Но это еще не было началом грандиозного сражения. Лишь в 8.30, после залпа «катюш», армия Ротмистрова пошла в наступление.

И тут же, практически везде, наши танкисты попали под огонь вражеских орудий.

Что же произошло?

Считалось, что наш танковый контрудар придется во фланг немецкой группировке, а полу-

Эвакуация с поля боя подбитого Т-34 инженерным танком (Т-34 без башни)

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

Как известно, немцы быстро ремонтировали подбитые танки и вновь направляли их в бой. Однако все это было хорошо лишь до тех пор, пока германские войска наступали, а у ремонтников имелась возможность эвакуировать подбитые танки с поля боя.

После того, как 17 июля началось общее отступление германских войск, безвозвратные потери танков резко возросли. Подбитые и даже слегка поврежденные немецкие танки оставались уже на территории, занимаемой советскими войсками.

К примеру, 5 августа немцы сами взорвали 35 танков «пантера», собранных незадолго до этого в прифронтовой ремонтной мастерской.

чилося так, что наши танки вышли прямо в лоб германским танковым армиям, подготовившимся к наступлению. К сожалению, германская разведка, в том числе и авиационная, сработала лучше нашей, и к 12 июля немцы уже знали, какая сила им противостоит.

В этот день немцы не просто готовились наступать. По всем правилам военного искусства они успели еще и хорошо закрепиться на захваченных позициях. И речь шла не только об обычных противотанковых пушках. За ночь многие немецкие самоходки (штурмовые орудия) и танки были врыты в землю на наиболее опасных участках. В результате немецкие танкисты из своих длинноствольных орудий, словно на полигоне, расстреливали идущие в атаку наши «тридцатьчетверки». Про легкие Т-70 вообще речь не шла. А долгожданные «зверобои», способные сбивать с «тигров» башни, так и не успели подойти. Они появились лишь к вечеру.

Один из ударов наших войск был направлен как раз через тот самый участок шириной 5 км между железнодорожной насыпью и рекой Псел, о котором мы уже знаем. В этом прорыве участвовало около 260 советских танков и самоходных орудий. Они также вышли прямо в лоб немецкой танковой группе, готовящейся к наступлению. В ней было примерно 160 танков и самоходок, в том числе и четыре «тигра».

Т-34 5-й гв. танковой армии идет в атаку мимо подбитого немецкого Т-IV

Советские артиллеристы поддерживают атаку танков

В ходе этого боя, по воспоминаниям очевидцев, действительно был случай, когда передовые отряды с ходу врезались в позиции немецких войск, подготовившихся к наступлению, и буквально пронзили их боевые порядки. На поле боя все перемешалось — танки и пехота, машины и бронетранспортеры, орудия и минометы. То, что происходило в крошечной пыли и дыму среди разрывов снарядов, для командования долгое время оставалось

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

ПОЧЕМУ В НЕБЕ НАД ПРОХОРОВКОЙ ПРЕОБЛАДАЛИ ГЕРМАНСКИЕ САМОЛЕТЫ?

Причина первая. Несмотря на то, что наших самолетов-истребителей в этом районе было в полтора раза больше, чем немецких, их аэродромы находились на большем удалении от линии фронта.

Немцы же широко использовали так называемые аэродромы подскока, расположенные всего лишь в 5 – 6 км от передовой. Их истребители и штурмовики взлетали сразу же после поступления заявки от сухопутных войск. Неудивительно, что за день они выполняли гораздо больше боевых вылетов.

Причина вторая. Наши бомбардировщики и штурмовики, желая избежать ударов по своим войскам (что часто случалось во время крупных сражений, когда территория по несколько раз в день переходила из рук в руки), наносили удары в глубине сил противника — в основном по местам сосредоточения немецких войск.

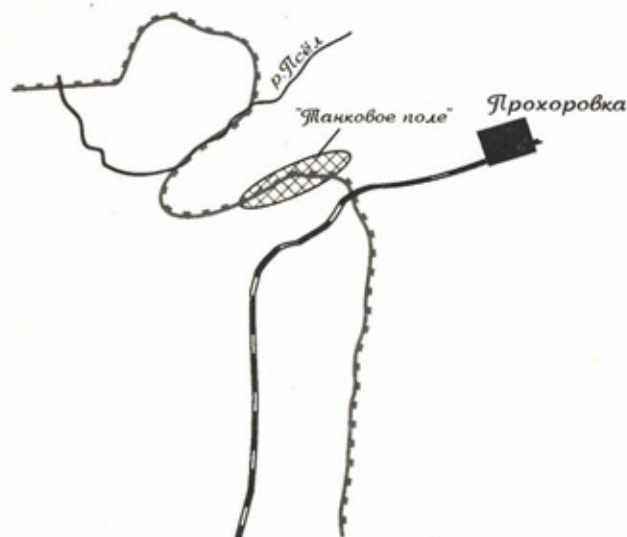
Немецкие же штурмовики и пикирующие бомбардировщики оказывали своим наступающим войскам непосредственную поддержку на поле боя и управлялись передовыми авианаводчиками, находящимися в танковых подразделениях.

Вот почему с земли казалось, что немецких самолетов в воздухе над полем боя гораздо больше.

Схема Прохоровской битвы

В боях под Прохоровкой немцы широко использовали советские трофейные танки. На фото – одна из «тридцатьчетверок», подбитая нашими артиллеристами.

Результат сражения к концу дня 12 июня: немецкие войска были отброшены на 2-3 км от Прохоровки, но немцам удалось потеснить наши войска на флангах так называемого «Прохоровского плацдарма»

неясным. Связь и управление были нарушены. На небольшом пространстве началась настоящая бойня. Те, кто остался в живых, вспоминали об этом как о самых страшных минутах своей жизни.

Вот именно этот отдельный, но один из самых драматичных эпизодов сражения под Прохоровкой многие историки впоследствии ошибочно стали называть величайшим в мире встречным танковым сражением, а само место боя нарекли «танковым полем», растянув его размеры на весь участок от железнодорожной насыпи до реки Псёл.

На самом же деле наши наступающие танки на «танковом поле» попали буквально «под расстрел». Вместо стремительного наступления получилась танковая дуэль в неравных условиях. Увидев приближающуюся армаду бронированных машин, немцы остановились и открыли прицельный огонь с места. Их пушки, особенно орудия «тигров», поражали наши танки на такой дальности, на которой огонь наших танковых орудий был еще не эффективен.

Сами немцы, вернее ветераны танковых войск, вспоминая об этом бое спустя полвека, рассказывали о том, что встречный бой, конечно же, был, но он так и не перерос в «собачью свалку». Они, дескать, попросту перестреляли все наши передовые танки, не подпустив их на опасное для себя расстояние.

Однако по воспоминаниям наших ветеранов, в этот день было совершено около 20 танковых таранов. Так что до фрицев наши танки добрались уж точно.

Скорее всего, о сражении под Прохоровкой высказывались те немецкие танкисты, которые хотя и оказались в эпицентре битвы, но до которых наши танки просто не добрались. А те, до кого добрались, рассказать не могут ничего. Ведь, как оказалось, даже Т-70 из своей 45-мм

ФОТОАРХИВ

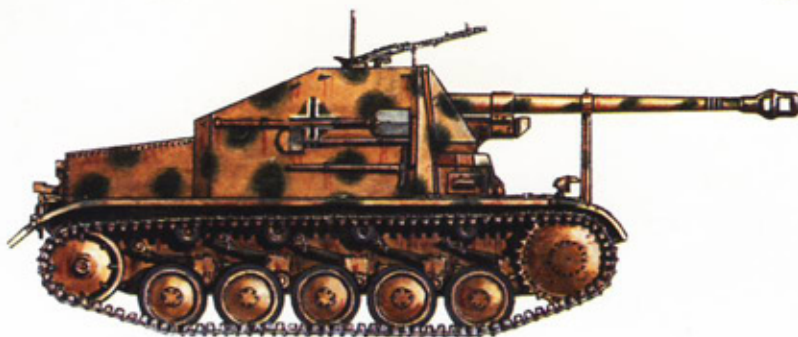
Фотографии предоставлены редакцией
журнала «Техника и вооружение»

Германская самоходная полевая артиллерийская установка «Веспе» с гаубицей калибра 105 мм. В ходе Прохоровского сражения эти самоходки своим огнем поддерживала пехоту и танки как в наступлении, так и в обороне

Германский тяжелый танк Т-VI «Тигр» –
главная надежда
германской армии
накануне Курской
битвы

Противотанковая самоходная пушка «Мардер II»
(7,5 см Рак 40/2 auf Fgst Pz Kpfw II Ausf F)

Экипаж 3 человека

Масса 11 тонн

Вооружение: пушка калибра 75 мм и один пулемет

Толщина лобовой брони – 35 мм

Самоходное орудие «Грилле»

(15 см sIG 33(Sf) auf Pz Kpfw 38(t) Ausf H)

Экипаж 4–5 человек

Масса 11 тонн

Вооружение: гаубица калибра 150 мм

Толщина лобовой брони – 50 мм

Средний танк T-IV F

(Pz Kpfw IV Ausf F)

Экипаж 5 человек

Масса 23 тонны

Вооружение: пушка калибра 75 мм

и два пулемета

толщина лобовой брони – 50 мм

Танк T-IV H (Pz Kpfw IV Ausf H) с дополнительными бортовыми экранами

Экипаж 5 человек

Масса 25 тонн

Вооружение: пушка калибра 75 мм

и два пулемета

толщина лобовой брони – 80 мм

«Мардер III»
(7,5 см Рак 40/3 auf Pz Kpfw 38(t) Ausf H)

Экипаж 4 человека

Масса 11 тонн

Вооружение: пушка калибра 75 мм и один пулемет

Толщина лобовой брони – 50 мм

Штурмовое орудие «Штурмгешутц» III
(StuG III Ausf F)

Экипаж 4 человека

Масса 24 тонны

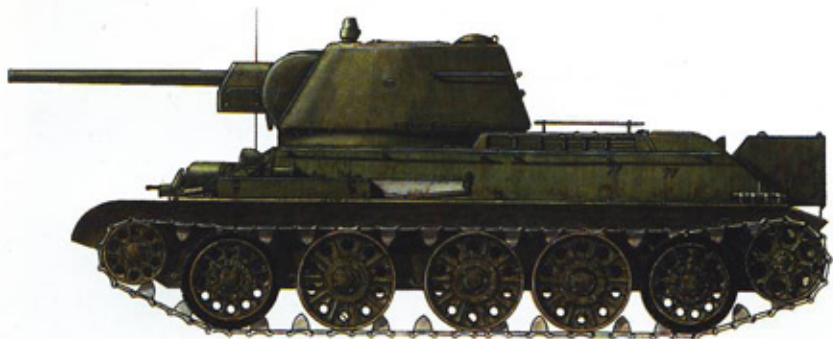
Вооружение: пушка калибра 75 мм и один пулемет

Толщина лобовой брони – 80 мм

Вос

О СРАЖЕНИЯ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

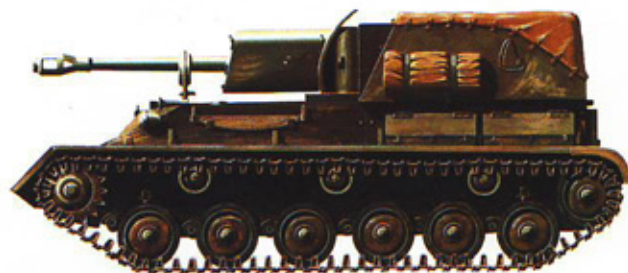
Средний танк Т-34 образца 1943 г.
Экипаж 4 человека
Масса – 29 тонн
Вооружение: пушка калибра 76,2 мм
и два пулемета
Толщина лобовой брони – 45 мм

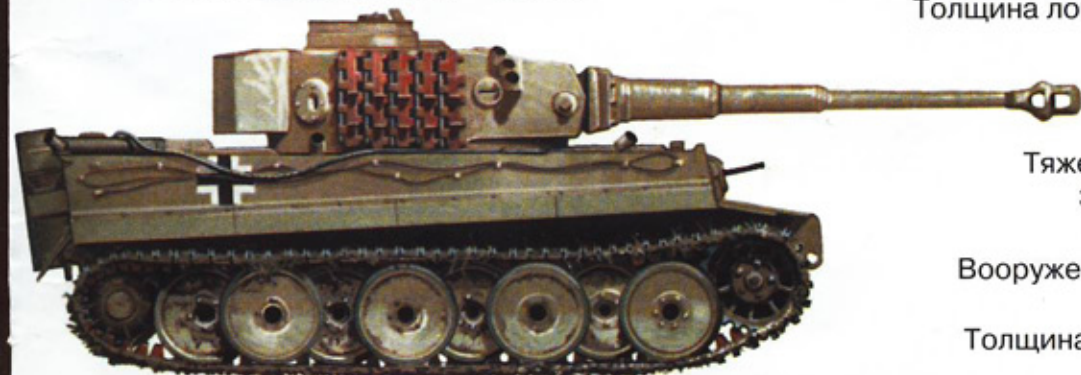
Легкий танк Т-70
Экипаж 2 человека
Масса – 9 тонн
Вооружение: пушка калибра 45 мм
и один пулемет
Толщина лобовой брони – 45 мм

Тяжелый танк Т-VI «Тигр» (Pz Kpfw VI)
Экипаж 5 человек
Масса 57 тонн
Вооружение: пушка калибра 88 мм и два пулемета
Толщина лобовой брони – 100 мм

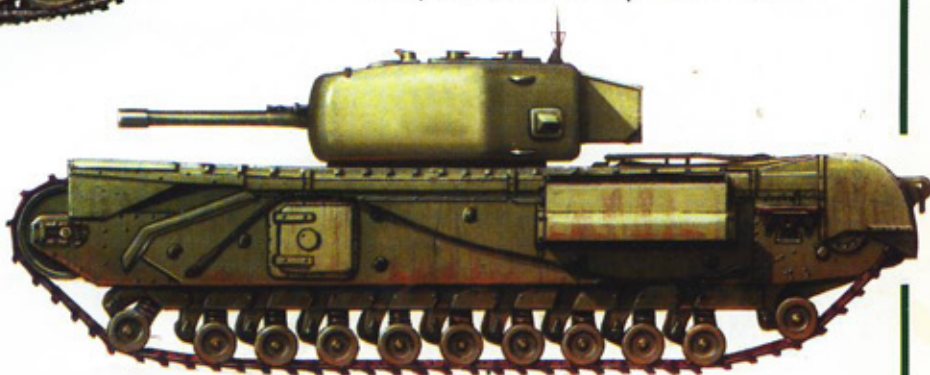

Самоходная артиллерийская установка Су-76
Экипаж 4 человека
Масса – 10 тонн
Вооружение: пушка калибра 76,2 мм
Толщина лобовой брони – 35 мм

Тяжелый танк «Черчилль»
Экипаж 5 человек
Масса – 40 тонн
Вооружение: пушка калибра 57 мм
и два пулемета
Толщина лобовой брони – 100 мм

Средний танк Т-III L
(Pz Kpfw III Ausf L)
Экипаж 3 человека
Масса – 23 тонны
Вооружение: пушка калибра 50 мм
и два пулемета
Толщина лобовой брони – 50 мм

В бой идет германский средний танк Т-III L, увешанный дополнительными бортовыми экранами. Из-за недостаточного обзора командир танка вынужден высовываться из своего люка

Германское штурмовое орудие «Штурмгешутц» III на полях сражений

Экипаж самоходной противотанковой пушки «Мардер» III готовится к отражению контратаки советских танков

пушки при выстреле в упор специальным подкалиберным снарядом пробивал бортовую броню «Тигра». Что уж говорить про Т-III или Т-IV, особенно если по ним били «тридцатьчетверки»?

На сегодняшний день мне так и не удалось найти точных данных о том, сколько же всего танков было подбито непосредственно на том самом «танковом поле»

Возможно, кому-нибудь из вас, ребята, в будущем, работая в архивах, удастся пролить свет на эту тайну.

В целом, потери наших танковых соединений 12 июля были очень серьезны. Так, один лишь 29-й танковый корпус (тот, чьи боевые машины сражались на «танковом поле») за этот день потерял 130 танков из 190, а из приданных ему 20 самоходок в строю осталась лишь одна.

Наступавший на противника неподалеку один из батальонов 25-й танковой бригады попал в засаду и был расстрелян «Тиграми» и штурмовыми орудиями, потеряв 26 «тридцатьчетверок» из 32-х. Сама же 25-я бригада за полтора часа потеряла 50 танков из 70. Все приданные бригаде самоходки также были уничтожены. При этом танкисты 25-й бригады доложили о том, что подбили три немецких танка и две самоходки. Аналогичная картина наблюдалась и на других участках.

А немцы, видя, что на них брошена вся бронетехника русских, вновь вызвали на помощь авиацию. Не встретив в воздухе противодействия советских истребителей, немцы безнаказанно бомбили танковые колонны. Множество боевых машин было повреждено, а залегшая под бомбежкой пехота отстала от танков.

К полудню немцы остановили наше контрнаступление. К трем часам дня, видя, какие огромные потери понесли танковые войска Красной Армии, немцы при поддержке авиации сами перешли в атаку. Лишь невероятными усилиями и огромными человеческими жертвами наступление противника было приостановлено. К вечеру бои под Прохоровкой стихли. По всей линии фронта догорали примерно 160 немецких и 370 наших танков и самоходных орудий.

Страшную цену наши танкисты, артиллеристы и пехотинцы заплатили в тот ужасный день за то, чтобы остановить немцев. Но они это сделали. И не отступили. Самоубийственной контратакой они заставили немцев остановиться и на какое-то время перейти к обороне.

Мало того, немцы уже боялись наступать на этом участке фронта. Да и было от чего. Ведь а все дни битвы под Прохоровкой наши танкисты, пехотинцы и артиллеристы подбили 965

Немецкий «Тигр», подбитый под Прохоровкой танков и штурмовых орудий. Конечно, многие из них были отремонтированы и вновь брошены в бой. Но 200 танков и 150 самоходок составили так называемые безвозвратные потери — они были разбиты до такой степени, что годились лишь для переплавки. А главное — немцы потеряли опытных танкистов. Один из немецких генералов уже после войны признался в том, что в этих боях погибли лучшие части германской армии.

14, 15, и 16 июля противник, перегруппировав силы, все еще продолжал атаковать наши войска, но уже на другом направлении. Но его силы для прорыва уже не хватило.

А 17 июля немцы вдруг, совершенно неожиданно, начали отвод своих войск.

Почему?

Да потому, что в тот самый день 12 июля, когда шло танковое сражение под Прохоровкой, немцы потерпели поражение на северном фланге Курской дуги в районе станции Поньри. И вся задуманная Гитлером операция по окружению и разгрому наших войск провалилась. После этого наступать на каком-то одном из участков фронта уже не имело смысла.

Вся битва под Курском в целом немцами была проиграна.

Немцы так и не добились того, чего хотели. Им не удалось одновременными ударами с юга и севера окружить и уничтожить советские войска на курском выступе. Немцам ничего не оставалось, как отступить.

Впрочем, наши войска на южном фланге пока еще продолжали укреплять линию обороны. Командование еще не осознало, что немецкое наступление прекратилось. И лишь 18 июля наши войска на этом направлении перешли в наступление.

5 августа, как мы знаем, был освобожден Белгород, 23 августа — Харьков. Именно этот день и считается окончанием Курской битвы.

А теперь давай подведем некоторые итоги...

Первое, что приходит на ум, так это упоминутая в самом начале статьи фраза из школь-

Поле боя под Поньями. На нем подбитые немецкие тяжелые "фердинанды", советские Т-34 и Т-70. Раньше часто говорилось, что на этом фото изображено поле боя под Прохоровкой

Немецкий тяжелый танк "Тигр", подбитый артиллеристами под Поньями

ного учебника о том, что советские танкисты под Прохоровкой разбили немцев.

Но выходит, что под Прохоровкой произошло все совсем наоборот? Ведь немцы подбили гораздо больше наших танков.

Сейчас мы с этим попробуем разобраться.

Только давайте прочитаем ту фразу очень и очень внимательно.

Итак: «12 июля советские войска перешли в контрнаступление. В этот же день в районе деревни Прохоровка состоялось крупнейшее в мировой истории танковое сражение, в котором участвовали 1200 танков. Оно закончилось победой советских танкистов. В этот день наступил перелом в ходе всей Курской битвы. Немцы были вынуждены перейти к обороне».

Если не вдумываясь читать эту фразу, то можно понять это так: наши танкисты разгромили немцев под Прохоровкой, благодаря чему и наступил перелом в ходе курской битвы.

Но мы-то с вами теперь знаем, что в этой фразе из учебника речь идет вовсе не о событиях на южном фланге Курской дуги. Речь-то идет о том, что происходило на ее северном участке!

Именно там 12 июля немцы захлебнулись в своем наступлении и были вынуждены перейти к обороне. Именно в этот день действительно наступил

коренной перелом в ходе всей Курской битвы, и никакие победы немцев на южном фланге уже не имели значения.

Ну а о танковое сражение под Прохоровкой здесь упомянуто по той причине, что не сказать о нем просто нельзя. Это действительно была грандиозная битва. И так совпало, что она произошла тоже 12 июля.

Другое дело, что происходила она не на одном единственном «танковом поле», как сейчас принято считать, а на до-

вольно протяженном участке фронта, на котором к 12 июля противники действительно сосредоточили около 1200 танков, которые потом и были брошены в бой.

— А можно ли считать, что танковое сражение закончилось победой советских танкистов? — спросишь ты. — Немцы же сожгли куда больше наших танков.

Можно. Ведь наши танкисты, пусть даже ценой огромных потерь, выполнили поставленную задачу — сорвали врагу план стремительного наступления.

А могло все сложиться и по-другому. Ведь утром 12 июля немцы, готовящиеся к атаке, еще не знали о том, как развернутся события на северном фланге Курской битвы. Их моральный дух был высок, и они были готовы нанес-

Немецкие танки "Пантера" под огнем советских войск

ти по нашей ослабленной обороне сокрушительный удар.

Успешный прорыв немцев под Прохоровкой так или иначе сказался бы и на действиях их северной группировки.

Но экипажи «Тридцатьчетверок» и обреченных на уничтожение «семидесяток» своим героическим порывом спутали врагу все карты.

Да, немцы воевали грамотно, но к вечеру их боевой дух упал. 12 июля они столкнулись с такой самоубийственной яростью русских, что дрогнули.

На следующий день, имея перед собою практически голую линию обороны, враг не рискнул продолжить наступление на Прохоровку.

Можно лишь представить, что было с Гитлером, когда он узнал о том, что и на северном, и на южном фланге Курской дуги 12 июля русские одновременно перешли от обороны к наступлению. И это была еще одна наша победа над врагом — пусть даже еще и не военная, а моральная. Но она сыграла свою роль. 14 июля Гитлер отдал приказ о прекращении операции «Цитадель». А вот это была уже настоящая

победа. И разве не наши танкисты сделали это?

А теперь, мои юные друзья, в заключение хочу сказать вам вот что: нельзя изучать историю по одному лишь учебнику. Учебник не может подробно рассказать обо всем, что происходило в мире. Читайте литературу и внимательно слушайте учителя. Задавайте ему вопросы, если что-то не понимаете.

Сегодня мы с вами наглядно убедились в том, что без глубокого знания предмета можно совершенно иначе понять, в общем-то, простую фразу.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ?

ЧТО ТАКОЕ ПОДКАЛИБЕРНЫЙ СНАРЯД?

Как известно, по танкам стреляют специальными бронебойными снарядами. О таких снарядах было рассказано в апрельском номере нашего журнала.

Чтобы усилить действие бронебойного снаряда, надо или увеличить его вес, или скорость его полета.

Вы знаете из физики, что кинетическая энергия тела равна половине его массы, умноженной на квадрат скорости. Если массу снаряда увеличить вдвое, то его кинетическая энергия (и пробивная способность) тоже возрастет вдвое. А вот если вдвое увеличить скорость полета снаряда, то его кинетическая энергия возрастет вчетверо.

Вот почему конструкторы стремятся, прежде всего, увеличить скорость полета бронебойного снаряда.

А как заставить снаряд лететь с большей скоростью при выстреле из обычной противотанковой пушки? Ведь боевой заряд орудия способен дать снаряду толчок лишь определенной силы

Путь здесь один — надо сделать снаряд более легким. Тогда, в момент вылета из ство-

ла орудия, он будет обладать гораздо более высокой скоростью.

Но легкий снаряд хуже пробивает броню, чем тяжелый. А как сделать такой снаряд, чтобы он и летел быстро, и обладал высокими пробивными качествами?

Остроумно решить эту задачу удалось не профессиональным конструкторам, а отставному русскому фельдфебелю Назарову, который еще в 1912 году изобрел так называемый подкалиберный снаряд. Его идея заключалась в том, что броню может пробить тяжелый заостренный сверхпрочный

дротик. А чтобы таким дротиком можно было бы стрелять из пушки, он должен быть размещен в корпусе обычного снаряда. К сожалению, царские чиновники не оценили практического значения этого снаряда и отклонили изобретение Назарова.

А через год подкалиберный снаряд запатентовал немецкий «пушечный король» Крупп. Видимо, военные тайны плохо хранились в царском военном ведомстве.

Но что же это за снаряд такой? Как он действует?

Прежде всего, надо отметить, что подкалиберный снаряд совсем не имеет разрывного заряда: он наносит поражение только своим прочным сердечником, калибр которого значительно меньше калибра орудия. Отсюда и пошло название снаряда.

Главную часть подкалиберного снаряда – сердечник – изготавливают из очень твердого и тяжелого фольфрамового сплава, а корпус снаряда – из обычной стали.

Уменьшению веса подкалиберного снаряда способствует и его своеобразная форма – своими очертаниями он напоминает катушку для ниток.

Чтобы такой снаряд в полете не очень быстро тормозился набегающим потоком воздуха, на него надевают баллистический наконечник, который делают из легкого металла или даже из пластмассы.

В результате вес подкалиберного снаряда получается почти в два раза меньше, чем вес обычного бронебойного снаряда такого же калибра. Например, бронебойный снаряд пушки калибра 76,2 мм весит 6,5 кг, а подкалиберный снаряд – 3,02 кг.

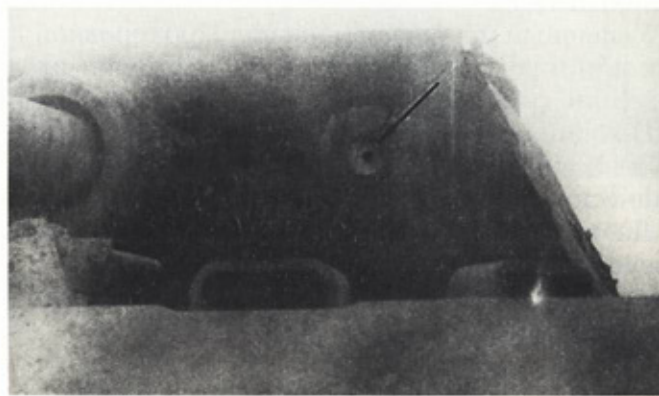
Благодаря этому начальная скорость подкалиберного снаряда получается выше. Так, если обычный снаряд 76,2-мм пушки вылетает из ствола со скоростью 700 м/сек, то подкалиберный – со скоростью 950 м/сек.

Когда прочный фольфрамовый сердечник на огромной скорости встречается с броней, он пробивает ее куда лучше, чем более толстый бронебойный снаряд. Практика показала, что подкалиберный снаряд способен пробить вдвое более толстую броню, чем обычный бронебойный снаряд.

Кстати, внешний корпус подкалиберного снаряда, выполненный из мягкой стали, в момент удара о броню играет немаловажную роль. Он становится как бы смазкой между броней и сердечником, и действует примерно так же, как наконечник бронебойного снаряда.

Проникнув внутрь вражеского танка, подкалиберный снаряд действует, словно большая пуля. Осколки пробитой им брони также наносят поражения экипажу.

Когда сердечник подкалиберного снаряда пробивает броню, он теряет большую часть своей кинетической энергии и сильно нагрее-

Лобовая броня башни немецкого танка "Пантера" (толщина 100 мм), пробитая 45-мм подкалиберным снарядом (пробоина показана стрелкой)

вается. Влетев внутрь танка, он имеет температуру до 900 градусов! От высокой температуры могут вспыхнуть пары бензина. А уж если сердечник угодит в топливные баки или в боезапас, то пожар или взрыв неизбежны.

Но и у подкалиберного снаряда есть свои недостатки. Главный – он не несет в себе взрывчатого вещества, как бронебойный снаряд. Бывало, даже пробив танк навывлет, он не причинял ему серьезных повреждений. А еще из-за своей легкости и не плохой аэродинамики, подкалиберный снаряд быстро терял скорость в полете. Поэтому он годился лишь для стрельбы на малых дистанциях – 300–500 м.

В ходе Прохоровского сражения танки Т-70 (лишь они имели в боекомплекте подкалиберные снаряды) для надежного поражения тяжелых танков противника должны были сначала к ним приблизиться. А вот этого они, к сожалению, сделать порой просто не могли. Расчеты противотанковых «сокопятаков» также должны были подпускать «тигры» и «пантеры» чуть ли вплотную к своим позициям.

Еще одной проблемой была высокая стоимость подкалиберных снарядов. Вольфрам, из которого изготавливался сердечник – металл довольно редкий. В те годы он добывался лишь на одном руднике на Кавказе.

Когда в 1942 году немцы подошли к Кавказу, нам пришлось со всей страны собрать альпинистов, которые на себе выносили ценное сырье через скалы и горные перевалы. Одним словом, ценились подкалиберные снаряды на вес золота. Артиллеристы получали такие снаряды под расписку, что обязуются стрелять ими только по танкам.

Тем не менее, эффективность противотанковой обороны наших войск значительно возросла. По некоторым данным на Курской дуге до 70% немецких танков были подбиты именно подкалиберными снарядами.

Ребята, из предыдущей статьи вы узнали о том, как проходило знаменитое танковое сражение под Прохоровкой. А вот что чувствовали во время войны танкисты? Что это такое – бой в танке?

Своими воспоминаниями с нами поделился Петр Ильич Кириченко – один из высококлассных специалистов, принимавших участие в испытаниях, отработке и освоении серийного производства многих отечественных танков.

Специальность танкиста, как и вообще военная профессия, отнюдь не были моим сознательным выбором. И если бы в июне 1941 г., сразу же после окончания мной московской средней школы, не началась Великая Отечественная война, моя жизнь могла бы сложиться совсем по-иному.

Но война началась. И спустя три недели я, вчерашний мальчишка, подстриженный под нулевку и раздетый донага, стоял навтыжку перед призывной комиссией Ленинского райвоенкомата города Москвы.

– В каких войсках ты хотел бы проходить службу? – был задан мне вопрос.

Я долго не колебался. Поколение моих сверстников было воспитано в героико-романтическом духе на славных подвигах наших летчиков, сумевших в суровых полярных условиях спасти экипаж погибшего ледокола «Челюскин», совершить беспосадочные перелеты через Северный полюс в Америку и через всю страну из Москвы на Дальний Восток. Имена Чкалова, Громова, Водопьянова и других летчиков-героев были известны всему миру. Для нас они были такими же кумирами, как для мальчишек 1960-1970-х гг. первые летчики-космонавты. Поэтому мой выбор был однозначен, и я не задумываясь, ответил:

– В авиации.

И вот, успешно пройдя строгую отборочную комиссию, я вместе с немногочисленной группой московских призывников в середине августа 1941 г. уже сидел на нарах товарняка, следовавшего к месту назначения в Челябинск, в военно-авиационную школу стрелков-бомбардиров.

БРОНЕКОЛЛЕКЦИЯ

Петр КИРИЧЕНКО

МОЯ МОЛОДОСТЬ – Т-34

Прибыв в школу, я узнал, что здесь готовят штурманов, или, как их тогда называли, летнабов (летчиков-наблюдателей) для экипажей бомбардировщиков СБ. Вскоре я убедился, что это была первоклассная школа, укомплектованная высококвалифицированным преподавательским и инструкторским составом, хорошо оснащенная материально и имеющая необходимое учебно-тренировочное оборудование. В школе был четко организован учебный процесс, поддерживалась строгая дисциплина, были созданы хорошие условия содержания курсантов. И хотя я проучился в этой школе всего около полугода, знания и навыки, полученные здесь, очень пригодились мне в последующем.

Однако окончить полный курс учебы мне не удалось. Самолеты СБ были сняты с производства, вместо них в войска стали поступать более совершенные бомбардировщики Пе-2. Нашу учебную эскадрилью сократили, и курсантов стали переводить в другие места службы.

Вот тогда судьба и привела меня в танковые войска.

ТАГИЛЬСКАЯ ШКОЛА

Вместе с несколькими другими недоучившимися штурманами я, несмотря на свой явно не танковый рост (метр девяносто), был направлен в Нижний Тагил в учебный танковый полк и зачислен курсантом в батальон, готовивший радиостовпулеметчиков танков Т-34.

Город Нижний Тагил произвел на меня тяжелое впечатление. Он показался мне каким-то угрюмым и сумрачным. Прямо по жилым улицам, застроенным невысокими деревянными домиками, ходили железнодорожные товарные составы, груженные сырьем для гигантских промышленных предприятий города. Воздух был дымным и смрадным. Люди, одетые преимущественно в рабочую одежду, имели усталый вид и были не слишком приветливы.

Учеба давалась нам легко. После авиационной школы, где мы изучали сложные самолетные радиостанции, и где у нас каждое утро была радиозарядка (мы писали диктанты, принимая морзянку на слух, а телеграфным ключом передавали до ста знаков смешанного текста в минуту), изучение простенькой танковой радиостанции и радиообмен в телефонном режиме были пустяковым делом. То же самое можно сказать и о танковом пулемете ДТ, который по сложности конструкции и темпу стрельбы не шел ни в какое сравнение со скорострельным авиационным пулеметом ШКАС. Да и сами огневые задачи по дальности стрельбы и скорости движения цели были намного проще.

Зато условия содержания личного состава здесь были куда скромнее, а кормежка намного скуднее. В течение всего времени учебы мы ходили полуголодными. Прикупить что-нибудь из еды в городских магазинах было невозможно, так как продажа производилась только по карточкам, а на рынке с нашей солдатской получкой делать было нечего. Отъедались только когда нас посылали в наряд на кухню.

Конечно, сегодня обстановку того периода я воспринимаю сквозь призму своих тогдашних мальчишеских впечатлений. Так, например, самым светлым событием тех дней, запомнившимся мне, было коллективное посещение местного цирка. После серых будней, заполненных однообразными занятиями, мы вдруг оказались в каком-то волшебном мире. Залитая ярким светом ар-

на, бравурная музыка, красавицы-акробатки, экзотические дрессированные животные, уморительный клоун – все это создавало атмосферу веселого праздника, позволяло на короткое время забыть о прозе солдатской службы. Вдобавок к этому в буфете можно было дешево купить пару стаканов густой сладковатой мутно-розовой жидкости с аристократическим названием «суфле».

Проучившись чуть более месяца и получив звание старшего сержанта, я был зачислен в маршевую роту, размещенную на территории, прилегающей к танковому заводу.

И вот я попал в святая святых, главную танковую кузницу страны – Нижнетагильский танковый завод. Он был создан на базе Уральского вагоностроительного завода, и местные жители по-прежнему называли его и весь прилегающий к нему район «вагонкой».

Сюда был эвакуирован из Харькова завод, где до войны был разработан и выпускался танк Т-34. Специалисты, прибывшие из Харькова, составили квалифицированный костяк трудового коллектива танкового завода, пополнившийся местными кадрами.

Завод ошеломил меня огромными, казавшимися бесконечными, размерами производственных цехов. Я познакомился с той особой, ранее неизвестной мне жизнью, какой жило скрытое от внешнего мира танковое производство.

Нас, будущих членов экипажей еще не собранных танков, стали привлекать к подсобной работе в цехах. Никаких денег за работу нам не платили, но зато выдавали талоны на обед в цеховых столовых, что было для нас гораздо важнее.

Заготовительные цеха – литейный, кузнечный и термический – были сущим адом. Жар, вырывавшийся наружу из огнедышащих печей, оглушительные и сотрясающие фундамент удары многотонных молотов, стук решеток для выколачивания отливок из форм, грохот вращающихся барабанов для очистки отливок металлическими шарами казались непривычному человеку совершенно невыносимыми. Удушливая атмосфера, насыщенная пылью и запахом гари, затрудняла дыхание, волны серо-голубого дыма поднимались под самый потолок, где в своих кабинках работали почти невидимые в тумане крановщицы. И хотя в этих цехах в дополнение к талону на обед можно было иногда получить кружку молока или простоква-

ши, среди танкистов желающих выполнять здесь подсобную работу было мало.

В механических цехах было полегче. Здесь вместе с пожилыми наладчиками, опытными токарями, расточниками и фрезеровщиками работало много женщин и подростков. Непрерывно вращались валы десятков станков, возле них прямо на глазах росли горы серебристо-фиолетовой стружки. Уборка этой стружки как раз и доверялась нашим ребятам.

Вскоре в маршевой роте были скомплектованы экипажи танков, в том числе и наш экипаж из четырех человек.

Несмотря на немногочисленность экипажа, в его составе отразилось территориальное и национальное многообразие нашего призывного контингента. Возглавил экипаж лейтенант Гаврилко. Призванный в армию на Украине, он окончил Харьковское танковое училище, в то время находившееся в эвакуации в узбекском городе Чирчике. Хотя ему было всего 22 года, он мне казался уже солидным и авторитетным командиром.

Механик-водитель Кутдуз Нурдинов, татарин лет под тридцать, еще до войны успел пройти срочную службу в армии и поработать механизатором в родном колхозе. Заряжающий Толя Тютрюмов, призванный из небольшого вятского городка Уржума прямо со школьной скамьи, был таким же, как и я, необстрелянным пацаном.

Первым делом для сколачивания экипажей, взводов и рот с нами были организованы тактические занятия. Они были довольно примитивны, проводились без танков и напоминали пионерскую военную игру. Называлось это «пешим по-танковому». Занятия по огневой подготовке проводились вначале также без танков с использованием «башен-качалок». После этого на учебных танках мы получили небольшую практику вождения и стрельбы.

Между членами экипажа довольно быстро сложились тесные, почти семейные отношения. Никакой дедовщины или чего-то подобного внутри экипажа не было. Наоборот, механик-водитель, знавший все премудрости армейской службы, стал для нас в дальней-

Сборка корпусов на танкостроительном заводе

шем «батей», опекал нас, не гонял, как салаг, не перекладывал на нас выполнение своих обязанностей, а, наоборот, старался нам во всем помочь. Да и командир часто прислушивался к его советам.

Но, конечно, своя иерархия была. Командир есть командир: он был на голову выше нас по своим военным знаниям, непосредственно получал необходимую информацию и указания от командования, знал обстановку, и беспрекословное подчинение ему было для нас вполне естественным.

Вскоре нас направили в сборочный цех и закрепили за каждым экипажем его будущий танк.

В цеху довольно плотно друг к другу стояли голые бронекорпуса. Один из них закрепили за нами. Он представлял собой пустую броневую коробку, на которой были нанесены мелом какие-то таинственные метки, знаки и обрывки слов, понятные лишь узкому кругу посвященных.

Внутри бронекорпуса шла кропотливая работа, сопровождающаяся вспышками электросварки и брызгами искр от абразивных инструментов. Мы решили, что для превращения этой коробки в танк понадобится не меньше недели. Однако, к нашему изумлению, бронекорпус усилиями сборщиков стал очень быстро обрастать многочисленными узлами и агрегатами. Их услужливо подавали в нужное место тележками и кранами. Перемещение массивных и крупногабаритных грузов осуществлялось мостовым кра-

Танки Т-34 готовятся покинуть сборочный цех

точку. Наступает самый ответственный момент. В работу включается слесарь-сборщик. Находясь внутри корпуса танка, он руководит мельчайшими смещениями агрегата по вертикали и горизонтали, добиваясь ювелирной точности его стыковки с сопрягаемыми деталями. Свои команды сборщик подает стропалью движениями пальцев: одним пальцем он указывает направление, расставлением двух пальцев — требуемую величину перемещения. Его команды стропальщик тут же дублирует на пальцах крановщице, сопровождая их жаргонными словечками:

- Вира помалу! Стоп! Дай моста! Еще! Хорош. Чуть каретки! Есть. Чуть смайнай! Еще чуть! Хоп! Так держи.

Как ни странно, но, взаимодействуя таким способом, сноровистым рабочим удается довольно быстро и точно устанавливать тяжелые и громоздкие агрегаты на свои посадочные места.

Танк рождался на наших глазах. Наше участие в этом процессе давало возможность получить четкое представление об общем устройстве танка и работе его отдельных систем.

К стыду своему, скажу откровенно, мы с заряжающим Толей не слишком активно использовали эту возможность, еще не чувствуя себя будущими хозяевами танка и, по молодой беспечности и солдатской лености, предпочитали «сачкануть».

Иное дело механик-водитель Кутдуз. Он детально вникал во все тонкости сборки и регулировки агрегатов и приводов управления, часто горячо обсуждал интересующие его вопросы со сборщиками. Во время стационарных испытаний танка, проводившихся до установки башни на танк, Кутдуз ни на минуту не отставал от контролера ОТК, следил за показаниями приборов, заглядывал во все места возможных подтеканий топлива, масла и воды, смотрел, какие дефекты записывал контролер и как они затем устранялись. Командир танка почти все время пропадал на участке сборки башен, подробно

ном, управление которым требовало совместных слаженных действий рабочих и крановщицы. Их диалоги были порой очень забавными.

Вот вдоль цеха, подавая непрерывный предупредительный сигнал, похожий на трамвайный звонок, движется под самым потолком огромный мостовой кран с подвешенным к нему крупногабаритным агрегатом — танковым дизелем. За ним, придерживая груз за тонкий поводок, следует стропальщик. Как только он поднимает руку, кран останавливается. Дальнейшие перемещения груза поднебесная крановщица производит по сигналам стропальщика, подаваемым с пола условными жестами и короткими командами. Показав рукой направление перемещения, тот подает команду:

- Чуть!

Крюк мостового крана слегка дергается в нужную сторону, и груз, покачнувшись, немного перемещается.

- Еще чуть! — звучит команда.

Груз вновь перемещается, но на этот раз слишком много. Раздается возмущенный и не совсем пристойный окрик стропальца, показывающего крановщице кулак. Из-под потолка доносится ответная не менее хлесткая реплика бойкой девушки-крановщицы.

После нескольких подобных проб и ошибок агрегат наконец попадает в нужную

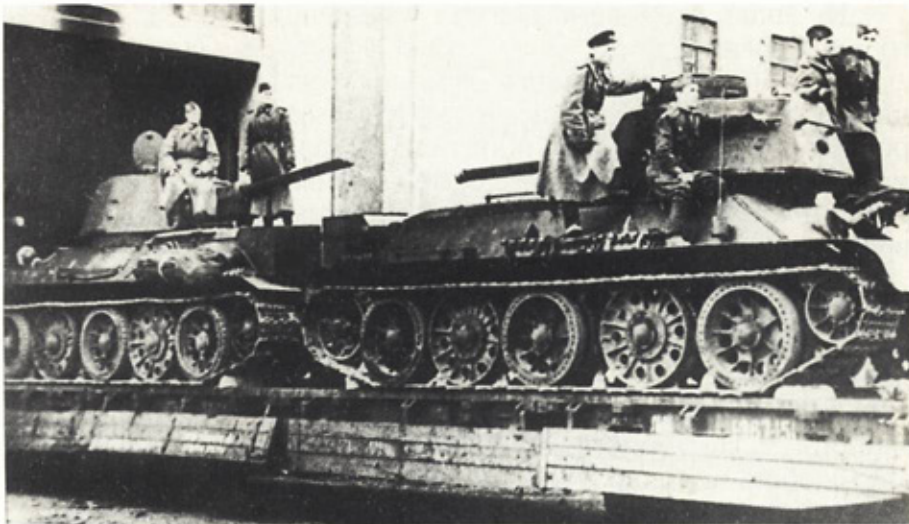
вникая в вопросы взаимного расположения прицела, 76,2-мм пушки, спаренного с ней 7,62-мм пулемета, точности совпадения их осей с координатами контрольных точек на выверочной мишени.

Наконец танк был готов. Помню, меня поразило то, с какой скоростью, я бы даже сказал, лихостью заводской водитель перегнал наш соборанный танк по весьма узкому проходу сборочного цеха. Каково же было мое изумление, когда, поставив танк на нужное место, из люка выскочил худенький мальчишка, которому на вид было не больше 14 лет.

Приемку танка командир и механик-водитель оформили своими подписями в формуляре. Мы тут же гордо надели свои собственные новенькие танкошлемы. В заключение командиру танка под расписку были вручены три предмета, которые в силу своей притягательности для танкистов и производственного персонала состояли на особом учете — танковые часы, складной многолезвийный нож и шелковый платочек для процеживания заправляемого топлива.

Теперь, когда мы стали полноправными хозяевами танка, у нас возникло новое отношение к нему. Могучий красавец, находившийся отныне в полном нашем распоряжении, послушный нашим командам, готовый укрыть нас от врагов своей броней и обрушить на них всю мощь своего оружия, стал предметом нашей любви, гордости и надежды. Хотелось погладить танк рукой, осмотреть и ощупать со всех сторон, быстрее начать обживать свои рабочие места.

Не скажу, что мое рабочее место, с которым я уже раньше имел возможность ознакомиться в учебных танках, мне сразу понравилось. Наоборот, мне поначалу казалось, что при моем росте находиться в тесном пространстве справа от механика-водителя и выполнять свои функции пулеметчика и радиооператора я вообще не смогу. Расстояние между моим сиденьем и крышей корпуса было для меня мало, и мне приходилось все время сидеть, согнув спину и пригнув голову. Из-за этого в прицельную амбразуру пулемета я вынужден был заглядывать как-то исподлобья, а при движении танка по пересеченной мест-

Т-34 отправляются на фронт

ности постоянно опасался удариться головой о крышу корпуса. Не слишком мне понравилось и то, что, не имея собственного люка, я был зависим от других членов экипажа при посадке и высадке: влезать в танк я должен был первым, а покидать его последним. Забегая вперед, скажу, что в последующем ко многим из этих обстоятельств я сумел привыкнуть.

Вместе с другими новыми танками мы совершили 50-километровый марш на полигон. Здесь уже была подготовлена мишенная обстановка для проведения боевых стрельб. Нам были выделены три боевых снаряда и по пятнадцать патронов к спаренному и лобовому пулеметам. Задачу мы выполнили «на отлично» и испытали беспредельное чувство гордости, когда наш экипаж поставили в пример другим.

Однако Кутдуз остался недоволен. Он доложил командиру, что его центральный смотровой прибор дает искаженное изображение местности, создавая на ровной дороге иллюзию бугра. Это его сбивало с толку. Он был вынужден на рубеже открытия огня отпереть замок и приподнять крышку люка на целую ладонь. Кроме того, он пожаловался на нечеткую слышимость по танковому переговорному устройству, из-за чего ему пришлось самому догадываться о содержании команд. Это же подтвердил и Толя.

Вернувшись на завод, мы помыли танк, почистили оружие, дозакраивались, а лейтенант Гаврилко разыскал военпреда и изложил ему наши претензии.

— Вы уже расписались в формуляре? — спросил военпред.

— Так точно.

— Не знаю, что с вами делать, — покачал головой военпред.

Тем не менее, забравшись на место механика-водителя и убедившись в дефекте смотрового прибора, а также проверив слышимость команд по ТПУ на всех рабочих местах, он куда-то ушел и через пару минут вернулся с новым смотровым прибором.

— Вот, замените. А насчет ТПУ ничем помочь не могу. Замена комплекта аппаратуры ничего не даст. Они все — одинаковое дерьмо.

— Ладно, хлопцы, — обратился к нам командир. — Не тушуйтесь. На старых танках вообще не было ТПУ. Вспомни молодость, Кутдуз. Буду давать сигналы ногами, не обижайся. Пихну в правое плечо — поворот направо, в левое — налево. Толкну в спину — трогай, два раза — прибавь скорость. Хлопну сверху по танкошлему — стой. Не забыл еще?

— Помню.

— А тебе, Толя, покажу кулак — заряжай броневой, растопыренные пальцы — окопаться. Ясно?

— Ясно.

Вновь забегая вперед, скажу, что такая система сигнализации прижилась, оказалась очень доходчивой и действовала безотказно.

На следующее утро мы с помощью заводчан уже производили погрузку танка на железнодорожную платформу. Вскоре он стоял на платформе, намертво прикрученный к ней проволокой за буксирные крюки, с застопоренной башней пушкой назад, с опломбированными люками, укрытый брезентом и неотличимый от десятков своих собратьев. Но теперь мы знали, что среди них есть и наш танк, и по каким-то мельчайшим приметам могли отличить его от всех других. Нам выписали продовольственные аттестаты и выдали сухие пайки на трое суток. Некоторое время поманевривав на сортировочной станции, наша платформа была подцеплена к общему эшелону, и мы поехали на фронт.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Выгрузились мы под Москвой. Здесь нас включили в состав формирующейся 116-й отдельной танковой бригады, которая спешно была отправлена в распоряжение Брянского фронта.

Наше первое боевое крещение было до-

вольно трагичным. Оно показало, что мало иметь хорошие танки, нужно еще уметь правильно организовать их боевое использование.

Разгружался наш эшелон под бомбежкой в районе Воронежа. Мы прибыли сюда в последних числах июля 1942 г., как раз в тот момент, когда началось летнее наступление немцев из района восточнее Курска в направлении Воронежа. Нашу бригаду тут же выдвинули своим ходом в район западнее Касторной. Здесь нам приказано было занять рубеж обороны и любой ценой удерживать его от наступающих танков и пехоты противника. Удивительно, но с нами не было ни пехоты, ни артиллерии, ни авиационного прикрытия.

Командир батальона вызвал к себе офицеров для постановки боевой задачи. Меня поразила бледность командира танка, вернувшегося от комбата. Он, словно предчувствуя недоброе, обнял и поцеловал Кутдуза, печально поглядел на нас с Толей, с неожиданной лаской погладил заряжающего по голове и потрепал меня по щеке.

Все проходило в страшной спешке. Чувствовалась растерянность высокого начальства. Рубеж был выбран командованием наспех, прямо на открытой местности, не защищенной от противника какими-либо естественными преградами. Времени на подготовку окопов для танков уже не оставалось. И если с земли нас частично маскировали высокие хлеба, то с воздуха наши танки и тянущиеся за ними следы от гусениц и прямые колосья были видны как на ладони.

Поэтому еще задолго до появления немецких танков на нас обрушился мощнейший бомбовый удар немецких самолетов, безраздельно господствовавших в воздухе. Они строились над нами в карусель, поочередно пикировали, сбрасывали бомбы и вновь возвращались в строй. Нам оставалось лишь смотреть на них с обреченным видом и покорно ожидать своей участи.

К середине дня от нашего батальона осталось лишь несколько танков. Тем не менее, когда налет прекратился и показались немецкие танки и пехота, мы открыли по ним огонь. Один из наступавших немецких танков двигался прямо на нас и, быстро приблизившись, открыл огонь. От попадания немецкого снаряда наш танк вздрогнул, в неплотности моей шаровой установки влетели мелкие огненные брызги.

Я никогда не был кровожадным. Но страх порождает ненависть. И когда я увидел, как

Т-34 движется к фронту

от выстрела лейтенанта Гаврилко немецкий танк задымился и тут же был объят пламенем, я испытал чувство настоящего ликования. «Не они нас, а мы их!», — радостно пела моя душа. В этот момент я увидел, как откуда-то с боков башни горящего немецкого танка вываливаются на землю члены его экипажа. «Неужели от одного нашего снаряда разорвало башню?» — успел подумать я. Лишь потом я разглядел, что в немецком танке Т-III люки башни расположены не в крыше, как у нас, а в бортах башни. Немцы, выскочившие из танка, тут же укрылись в высоких колосьях. Охваченный каким-то охотничьим азартом, я пустил в их сторону наугад несколько пулеметных очередей, но не знаю, достигли ли они своей цели.

Справа и слева от огня наших соседей запылали еще несколько немецких танков. Нас переполняла гордость и за себя, и за наших товарищей, и за наши «тридцатьчетверки», оказавшиеся сильнее хваленых немецких танков, покоривших всю Европу.

Когда стало ясно, что атака немцев захлебнулась, наше командование, несмотря на огромные потери, понесенные нами от бомбежки, приняло решение оставшимися силами перейти в контратаку. Последовала команда: «Вперед!»

Наш танк рванул с места. Я не то от упоения, не то от еще не полностью преодоленного страха, не ожидая команды и не видя цели, стал строчить длинными очередями из пулемета, за что был тут же огрет по затылку. Дальнейшие события разворачивались молниеносно и закончились плачевно.

При движении танка по хлебному полю смотровые приборы механика-водителя вскоре

были забиты зернами и зрелыми колосьями. Как только Кутдуз попытался открыть люк, в него, как из веялки, посыпался снопом мягины, засасываемой внутрь танка вентилятором охлаждения двигателя. Колосья слепила глаза, забивали нос и рот. Люк тотчас же был захлопнут. Дальнейшее движение танка Кутдуз осуществлял вслепую по сигналам командира. Время от времени танк делал короткие остановки, звучал выстрел из пушки, и танк продолжал движение. Результаты этой стрельбы я через засоренное снаружи отверстие в бронировке своего пулемета разглядеть не мог.

Вскоре впереди танка стали раздаваться разрывы мощных снарядов. «Это уже не танки, — сразу же екнуло у меня сердце. — Это бьет немецкая артиллерия».

И вот во время очередной короткой остановки нашего танка раздался оглушительный удар. Танк содрогнулся и сразу же заполнился дымом. Стало горячо и смрадно. Вражеский артиллерийский снаряд попал в борт башни и пробил его. Застучали осколки. На пол башни с отчаянным криком упал тяжело раненный лейтенант. Мы были оглушены и находились в шоке. Первым пришел в себя Кутдуз. Он попытался оказать помощь командиру, замотать рану бинтом из аптечки. Но остановить кровь не удалось. Вскоре он затих, потеряв сознание. К счастью, подскочившие к танку санитары помогли нам вытащить лейтенанта из машины и, уложив на плащ-палатку, понесли его в тыл.

Наше положение было критическим. В башне зияла пробоина, был разбит прицел, повреждены осколками механизмы поворо-

та башни и подъема пушки. орудие было намертво заклинено. И хотя немцы не возобновляли атак на нашем участке, к концу дня выяснилось, что они обошли нас с обеих сторон и продолжают продвигаться вперед. Звуки перестрелки раздавались уже далеко позади нас. Немецкие самолеты, не обращая на нас никакого внимания, везли свой бомбовый груз дальше на восток.

Из старших начальников никого с нами не оказалось. На мои запросы по радио никто не отвечал. Оставшись без командира танка, с бездействующим оружием, без связи с вышестоящим командованием, мы вынуждены были искать пути для отхода. Мысли о том, чтобы бросить свой подбитый танк, ни у кого из нас не возникало.

Пользуясь наступившими сумерками и прячась в высоких колосьях и в оврагах, мы пытались проскользнуть в восточном направлении незаметно для противника. Нам казалось, что рев нашего дизеля и грохот гусениц слышны ночью за много километров. Однако к рассвету нам удалось проскочить к еще не занятой немцами Касторной. Здесь мы наткнулись на офицера штаба нашей бригады. Мы не знали, как он отнесется к тому, что мы самовольно покинули поле боя. Однако выяснив наши обстоятельства, он похвалил нас за то, что мы сумели вывести из окружения поврежденный танк, и дал указание отходить к Ворожею.

На станции Отрожка нас под бомбежкой вместе с другими поврежденными танками погрузили в железнодорожный эшелон для отправки на ремонт. В спешке мы не успели получить продпайки. Правда, нам выписали продаттестаты, но воспользоваться ими в пути следования мы так и не смогли.

На крупных станциях, где находились военные коменданты и имелись продпункты, наш состав не останавливался. Зато мы подолгу стояли на мелких разъездах в степи, пропуская все встречные эшелоны, двигавшиеся в сторону фронта. От голода нас спасли только остатки продуктов, прихваченных нами наспех в безлюдной Касторной с полок всеми покинутого магазина. Все это время, начиная с момента отправки на фронт, у нас не было возможности помыться,

сменить белье, мы были грязными и обоживели. Вскоре выяснилось, что нас везут в Москву. Здесь на Фрунзенской набережной, недалеко от нынешнего стадиона «Лужники», находился 72-й танкоремонтный завод, где нашему танку предстояло залечить свои фронтовые раны.

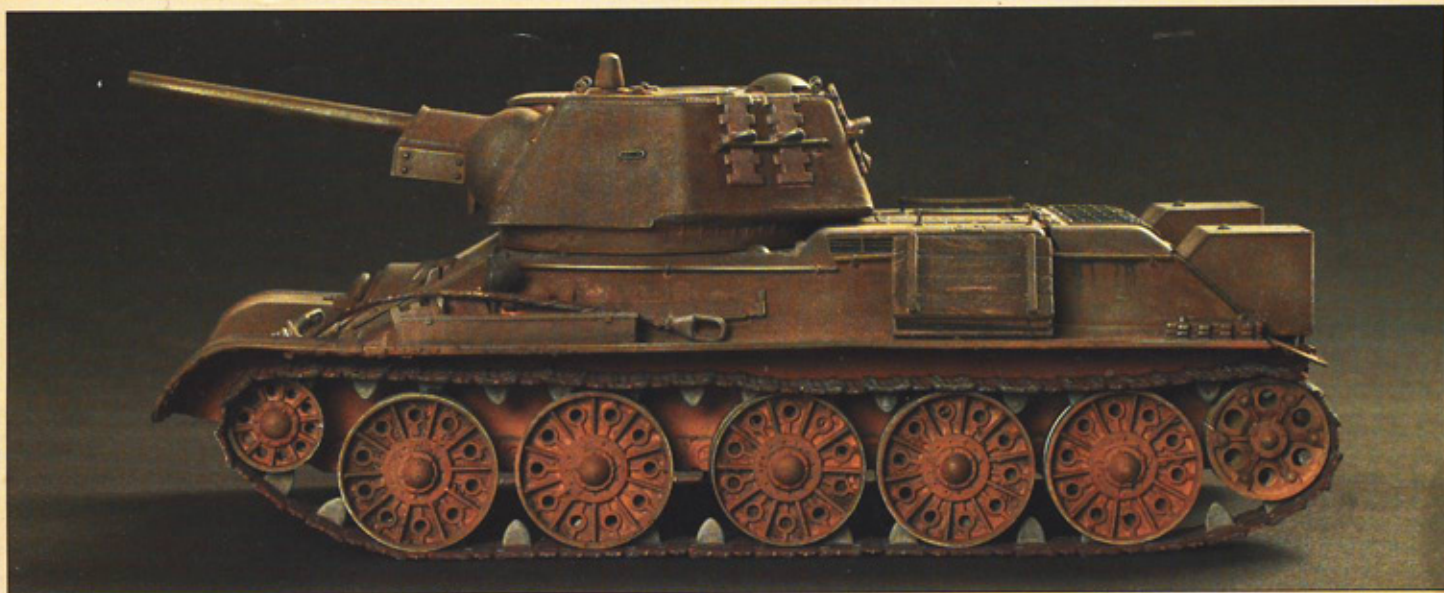
Так закончилось наше первое боевое крещение, послужившее суровым испытанием для нас и нашего танка.

В этот раз мы потерпели поражение. Но можно ли было предъявить за это какие-либо претензии к танку Т-34? И тогда, и сейчас, спустя более шести десятков лет, я отвечаю на этот вопрос отрицательно. Конечно, став беззащитной мишенью для хозяйничавшей в небе вражеской авиации, не имея самого элементарного зенитного прикрытия, мы понесли тяжелые потери.

Но даже и тогда, оказавшись перед огромным численным перевесом немецких танков, мы сумели остановить их продвижение. Качественное превосходство наших Т-34 перед немецкими Т-III с их 50-мм пушками, бензиновыми двигателями и нерационально выбранными конструктивными углами брони было очевидным. На нашем участке, понеся чувствительный урон именно от наших танков, они так и не смогли продвинуться ни на шаг. И то, что впоследствии наши танки были уничтожены огнем артиллерии, нельзя расценивать как следствие несовершенства танков Т-34. Здесь вина целиком лежит на тех военачальниках, которые без каких-либо тактических расчетов, не проводя артиллерийской и авиационной подготовки, не обеспечив огневое сопровождение, можно сказать, очертя голову, дали нам тогда роковую команду «Вперед!»

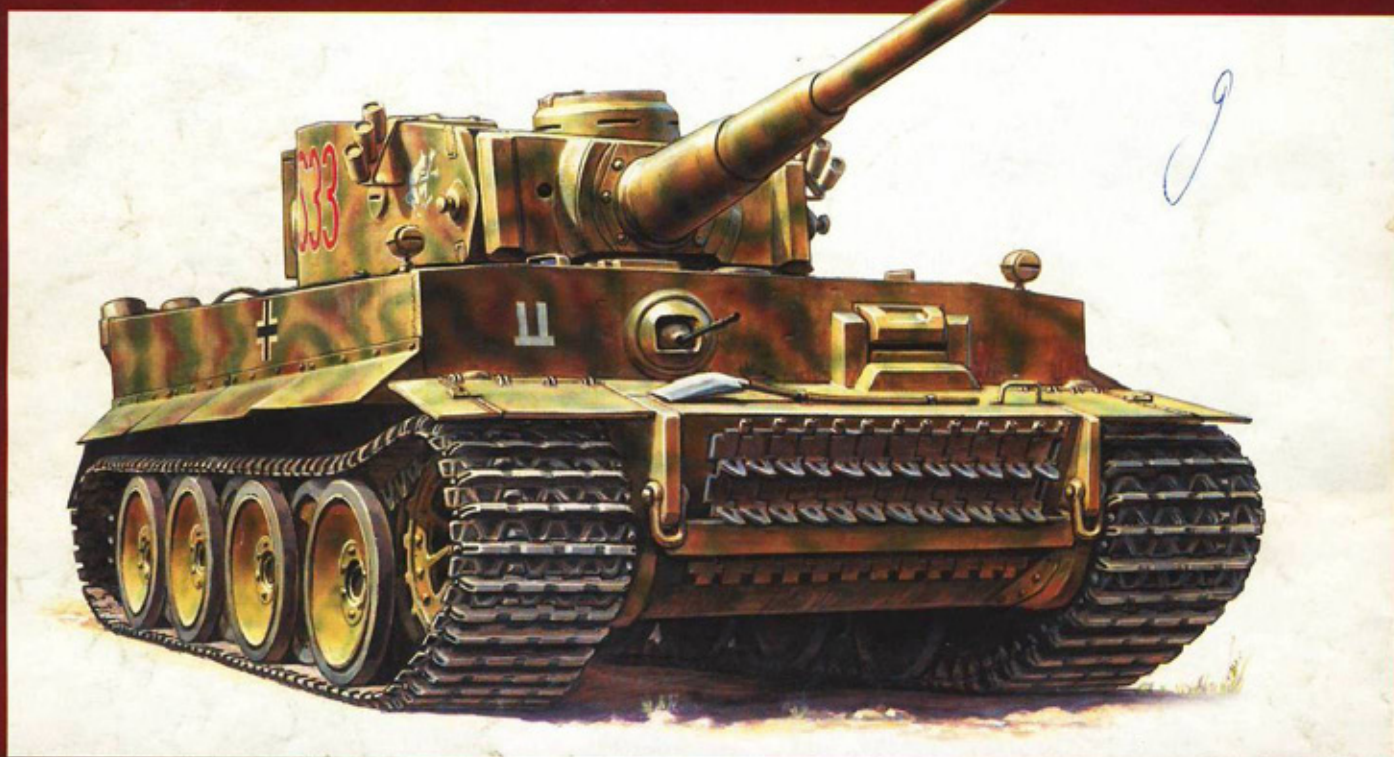
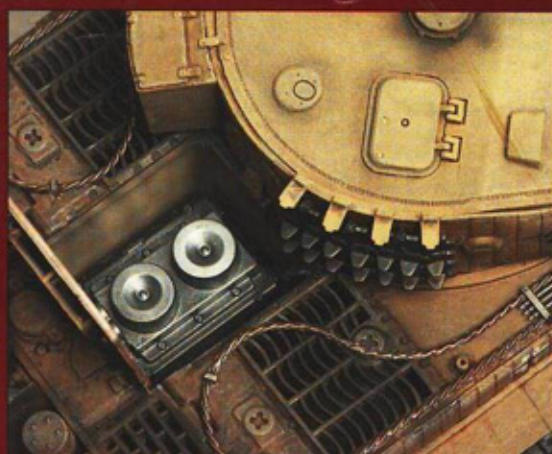
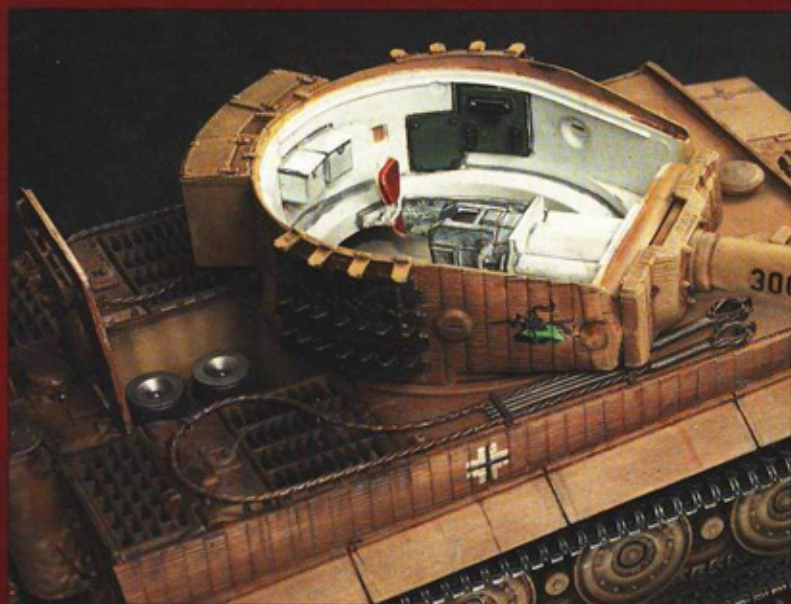
Продолжение следует.

Сборную пластиковую модель танка Т-34/76, выпускает для Вас АО «Звезда».

Фото Ю. Красовского.

Сборную пластиковую модель танка Т-VI «Тигр» делает для Вас АО «Звезда».

